

Лин Цзин наконец всё понял. Ему стало и смешно, и досадно.

— С таким-то происхождением — и депрессия? Тогда нам, простым смертным, только верёвку на шею.

— Это называется — не родись красивым, а родись счастливым, — усмехнулся и Чжао Ань. — Старина Лин, а вообще характер у этого Лин Цзыханя, говорят, неплохой. Не горлопан, не командует почём зря, и работать не ленится. Ха-ха, да это тебе шанс! Пригляди за «принцем» — и внимание сразу двух больших шишек, Ляя и Лина, обеспечено. Карьера твоя тогда взлетит.

Лин Цзин лишь надменно хмыкнул:

— Чжао, ты что, надо мной издеваешься? Разве я, Лин Цзин, пробиваюсь по службе через связи? Всё, что имею, — добыто в бою, кровью и потом.

Чжао Ань тут же парировал:

— Конечно, кто не знает о доблести Лин Цзина из «Дикого волка»?

Лин Цзин, указывая на него пальцем, рассмеялся:

— Старина, да ты меня сейчас похвалил или поругал? Ваше Управление на северо-западе столько громких дел раскрыло, даже сына того, Имина, из самого Афганистана вытащили. Рядом с тобой я просто неуч.

Чжао Ань отмахнулся:

— Брось, свои люди — нечего друг друга нахваливать.

Оба рассмеялись. В обществе Чжао Аня всегда холодный и отстранённый Лин Цзин словно оттаивал, и на лице его появлялась лёгкая, почти солнечная улыбка.

Поговорив ещё немного, Чжао Ань спросил:

— А я могу с ним повидаться, с Лин Цзыханем?

— Конечно, — Лин Цзин взял трубку.

Вскоре в дверях бесшумно возник Лин Цзыхань.

— Командир Лин, вы меня звали? — спросил он ровным, бесстрастным голосом.

Лин Цзин, теперь державшийся с ним чуть вежливее, кивнул в сторону гостя.

— Это начальник нашего Управления госбезопасности, Чжао Ань. Он хотел тебя видеть.

Лин Цзыхань вежливо, с лёгкой улыбкой поклонился.

— Начальник Чжао, чем могу служить?

Несколько лет назад, будучи в Пекине с докладом, Чжао Ань удостоился приглашения в дом к Лин И. На выходе он как раз столкнулся с уходящим Лин Цзыханем — видел мельком, но не говорил. Теперь, увидев его вновь, Чжао Ань невольно замер. По сравнению с прошлым Лин Цзыхань изменился до неузнаваемости — и внешне, и внутренне. Узнать его сходу было

трудно.

— Заместитель Лин, прошу прощения за бестактность, но... — Чжао Ань запнулся, но решил уточнить. — Вы ведь старший сын нашего шефа?

Лин Цзыхань честно кивнул.

— Да, это я.

Чжао Ань тут же шагнул вперёд и энергично пожал ему руку.

— Тогда... Лин Цзыхань, вы меня, случаем, не помните?

Лин Цзыхань, прошедший спецподготовку, обладал феноменальной памятью и, конечно, помнил. Однако сейчас на его лице отразилось лишь искреннее недоумение.

— Начальник Чжао, простите... мы раньше встречались?

Чжао Ань улыбнулся.

— Несколько лет назад я был у вас дома на обеде, видел вас мельком, но не представился.

— Ах, вините меня, вините, — поспешно закивал Лин Цзыхань. — Память у меня, знаете ли, всегда была девичья. Искренне извиняюсь.

— Да что вы, пустяки! — Чжао Ань поспешил его успокоить. — У отца вашего людей — не сосчитать, всех и не запомнишь. Зато теперь вы в Синьцзяне — будем, значит, плечом к плечу.

— Не смею, — скромно ответил Лин Цзыхань. — Я здесь, чтобы у вас учиться.

— Что вы, Лин Цзыхань, слишком скромничаете! — рассмеялся Чжао Ань. — Лучший учитель у вас всегда под боком был. Сам факт, что вы здесь, — уже подвиг.

— Помилуйте, начальник Чжао, — Лин Цзыхань мягко парировал. — Подвиги совершаете вы, а я лишь скромный ученик.

После ещё нескольких взаимных любезностей Чжао Ань настойчиво предложил устроить в честь новоприбывшего обед, но Лин Цзыхань вежливо, но твёрдо отказался, сославшись на то, что отец за такой приём его непременно отругает. Чжао Ань сдался.

Проводив гостя, Лин Цзыхань почувствовал на себе тяжёлый, полный недоумения взгляд Лин Цзина.

В последующие дни в отряде «Дикий волк» воцарилась странная, натянутая атмосфера. Все смотрели на Лин Цзыханя как-то боком, искоса. Он же стал ещё молчаливее. Его взгляд стал блуждающим, туманным, словно песчаный вихрь в пустыне — за ним нельзя было уследить, и это вызывало смутную тревогу.

До сих пор покорность Лин Цзыханя сдерживала Лин Цзина от резких мер, но его «книжная», невоенная натура всё равно резала глаз всему отряду. Теперь же, когда выяснилось, что он сын «Отца национальной безопасности», к отчуждению добавилась настороженность. Для людей, привыкших к открытому бою, само слово «шпион» или «агент» было синонимом чего-то тёмного, коварного, нечистого. «Дикий волк», чьим девизом была честность и прямота, таких не жаловал.

«Чёрный волк» Ло Цяньцю и «Красный волк» Лу Шаохуа, и без того его недолюбливавшие, стали подначивать Лин Цзина: устроить адские тренировки, чтобы новичок не выдержал и сам убрался.

Лин Цзин ещё колебался, как из Пекина пришли слухи: скоро на северо-западе грядёт крупная операция, и отряд «Дикий волк», скорее всего, будет задействован. Это шанс на настоящий бой, и друзья из столицы советовали им не упустить его.

Медлить было нельзя. Лин Цзин отбросил сомнения и составил жёсткий график тренировок, который немедленно привёл в действие.

Именно в этот момент Лин Цзыхань почувствовал смертельную усталость.

Не просто изнеможение, а глубинное, всепоглощающее истощение, подтачивающее самые основы воли. Ему казалось, что он больше не может.

С детства он проходил жёсткие, даже жестокие тренировки, но они кардинально отличались от системы подготовки армейского спецназа. Особенно после того ранения три года назад — того, что переломило его жизнь. С тех пор он больше не подвергал себя таким нагрузкам, тренируясь по индивидуальной, щадящей программе, которую сам для себя и разработал.

Попав в «Дикий волк», он изо всех сил пытался адаптироваться, но тщетно. Даже с помощью лекарств, даже напрягая всю силу воли, он понимал — предел близок.

После серии изнурительных тренировок в окрестностях лагеря Лин Цзин назначил длительный марш-бросок.

Маршрут пролегал из Урумчи на север, к озеру Канас. Путь предстоял тяжёлый: пересечь Джунгарскую впадину с её зыбучими песками Гурбан-Тунгут, пройти через безводные солончаки и каменистые пустоши, а затем взойти в суровые Алтайские горы, к райскому озеру Канас. Возможно, они дойдут и дальше, до самого Пика Дружбы на российской границе. На всё — десять дней. Затем, без единого дня отдыха, — обратный путь, ещё десять дней.

Каждый нёс полную боевую выкладку. Днём — форсированный марш, ночью — бивак в выкопанных на скорую руку землянках или просто под открытым небом.

На восьмой день они вошли в заповедник Канас.

Эти места в самом сердце Алтайских гор были иными: изумрудные склоны, бирюзовые воды, бескрайние луга и дремучая тайга. Пейзаж, словно сошедший со сказочной картины.

Они шли сквозь лес. По ветвям мелькали белки, в чаще мелькали силуэты диких зверей. Всё дышало покоем, гармонией и первозданной силой.

Бойцы, несмотря на усталость, оживились. После бесконечных песков, голых скал и выжженных солнцем равнин это место казалось раем.

Лишь в душе Лин Цзыханя сгущалась тьма. Он всерьёз думал о том, чтобы сдаться.

Согласно его внутренним установкам, если в ходе выполнения задачи физическое или психическое состояние оператора ставит её под угрозу, он должен отступить. Исключение — только если приказ гласит «любой ценой». Лин Цзыхань был силён духом, но его тело, израненное и собранное заново лучшими врачами, было похоже на ветхую крепость. Стены

ещё стояли, но фундамент был непоправимо повреждён. Дальше держаться он не мог.

Он начал выходить на связь с отцом через секретный канал, чтобы сообщить о своём решении. Но возможностей было мало: днём он всегда был на виду у отряда, а Лин И в эти дни метался между столицами, и из-за разницы во времени поймать его было сложно. Задача была строго засекречена, обсуждать её с кем-либо, кроме отца, он не мог. Не получив отцовского совета, он не решался напрямую заявить о своём уходе Лэй Чжэню. Приходилось идти днём в строю, а ночами, украдкой, пытаться связаться.

В тот вечер небо затянуло тучами, и пошёл снег. Хлопья кружились в воздухе, постепенно укутывая белым покрывалом горные склоны, поля и лес. Лин Цзин отдал приказ остановиться и встать на ночлег.

<http://bllate.org/book/16287/1468970>